

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Виртуоз куннилинга

Поздним вечером к чекисту Меркулову неожиданно заглянул Лаврентий Павлович Берия.

— Не тормозишь, Меркулов, — успокоил он, — я так, сигаретку выкурить.

Берия закурил, сел задом на стол и рассеянно глядя в потолок спросил:

— Меркулов, ты когда-нибудь куннилинг делал?

А Меркулов не раз делал куннилинг, но не знал, что это так называется, и поэтому тупо переспросил:

— Чего?

— Я вот тоже не знал, — вздохнул Берия. — Это, слушай, бабе языком — ну, это, — муську...

Понял, да? Хочешь, расскажу, как я эти дела узнал?

Меркулов изобразил на лице внимание. И Лаврентий Павлович, поблескивая своим пенсне и куря сигаретку за сигареткой, рассказал ему историю интимного, а вернее — интимно-государственного содержания.

— Слушай, Меркулов, только поклянись, что никому не расскажешь, — дело величайшей секретности. Атомная бомба рядом с этим — тьфу, семечки. А рассказать, слушай, тоже кому-то хочется, не все же в себе такую тяжесть носить, верно? Ну вот, слушай, несколько лет назад было, Коба говорит на Политбюро:

— Предлагаю обсудить дополнительный пункт повестки дня. Какой? — спрашиваем. А Коба, слушай, одно слово — гений всех времен — он что говорит: надо, мол, серьезно подойти к тому, чтобы увековечить память творцов светлого социализма. Ну — все за, единогласно. Коба по кабинету походил и продолжает: предлагаю, говорит, запечатлеть каждого из наших государственных деятелей в каком-нибудь монументальном полотне. По утвержденному списку и с утвержденным сюжетом. Ну, опять голоснули за. Предлагаю, говорит Коба, для товарища Ворошилова такой сюжет: «Нарком Ворошилов проверяет охолощенность жеребцов в вверенных ему Вооруженных Силах». Ворошилов, слушай, обиделся чего-то, стал доказывать, что ему, мол, такой сюжет не подходит — но ты же Кобу знаешь? Он только глазами сверкнул и спрашивает: ты что же, Клим, против линии партии идешь? Поставили на голосование — все за, Ворошилов воздержался. Потом вождь для Молотова сюжет представил — я бы, слушай, никогда не догадался, — «Товарищ Молотов разъясняет работницам фабрики «Красная Заря» постановление ЦК о недопустимости метеоризма во время проведения политзанятий». Все опять за, Молотов — воздержался. А Коба походил еще по кабинету и говорит: предлагаю начать монументальную живопись с наркома товарища Берия. Почему с меня? — говорю. А товарищ Сталин и пошутил: вдруг, говорит, помрешь скоро — как же тогда донести до потомков твой светлый образ? А сюжет какой? — спрашиваю.

— Как ты думаешь, какой? — внезапно спросил Меркулова легендарный нарком.

Меркулов только развел руками. Л. П. Берия вздохнул, покачал головой и продолжил:

— «Академик Лепешинская уличает наркома Л. П. Берия в невладении основами куннилинга». Я-то, слушай, и не знал ни про какой такой куннилинг — думаю, это что-нибудь из биологии, мичуринские опыты какие-нибудь. Взял, знаешь, да и проголосовал со всеми за. Ну, в контору приехал, спросил кое-кого — слушай, — ну, мороз по спине продрал. Это что же, думаю, у этой старой дуры я буду п... сосать? И чтобы меня в таком виде для потомков выставили? Скажи, ну, обидно же, а? Стал Кобе звонить: так и так, товарищ Сталин,

недоразумение получилось, из-за личной скромности не могу себя увековечить. Коба и слышать ничего не хочет — не спорь с линией партии. И то сказать, сам ведь голосовал, а теперь отказываюсь — глупо, слушай. Ну, приезжает ко мне личный конвой с предписанием приступить к натурным этюдам. Хрен ли делать — поехал. Говорю — давайте к Налбандяну по пути завернем, пусть он рисует, я других портретистов не признаю. Позвонили Кобе, согласовали — он не против. Забрали Налбандяна — Меркулов, какой он странный человек, а? — познакомили его под расписку с секретным постановлением Политбюро, так и так — нет, все не верил. До Лепешинской все с разинутым ртом ехал и глаза выпучил, да, — наверное, думал, его разыгрывают.

Входим, Лепешинская уже неглиже, покрывалом накрылась, ну, Налбандян мольберт установил. Я спрашиваю: товарищ Лепешинская, вы понимаете, что сюжет подразумевает отдельное местоположение меня и вас? А Лепешинская, стерва, даром, что ли, самому Лысенке очки втирала, сразу и вскинулась: вот и видно, товарищ Берия, что вы и впрямь не освоили основы куннинга, потому что при нем отдельное местоположение совершенно исключено, я говорит, еще раз убеждаюсь в гениальной прозорливости вождя товарища Сталина, что он так мудро выбрал тему для живописного шедевра! Да, Меркулов, не прошел номер — пришлось, слушай, встать на четвереньки да и... знаешь, какие ощущения? Хочешь, расскажу?

Меркулов вновь неопределенно пошевелил руками. Л. П. Берия почмокал губами, лицо его приняло мечтательное выражение, и он погрузился в сладостные воспоминания.

— Совсем не думал, слушай... Мой язык таял в блаженстве... Седые жесткие волосы товарища Лепешинской приятно покалывали мои десны... Ее хриплые стоны сладкой волной ударили мне прямо в мозг... «Вот оно, счастье, каким наслаждаются праведники в раю», — подумал я, едва не теряя сознание от полного упоения.

Лаврентий Павлович остановился, снова почмокал губами, еще раз вздохнул и, закурив сигарету, принялся рассказывать дальше.

— Да, Меркулов, кому доводилось это испытывать — блаженнейший из смертных... Одно, знаешь, мне не нравилось — никак не могла эта гримза преподавательские свои замашки оставить, слушай, ну, совершенно нечуткая женщина. Ей бы что-нибудь ласковое сказать, а она все по сюжету: как вы держите язык, товарищ нарком Берия, глубже, глубже... в общем, все чем-нибудь недовольна, да. Мне уж тут китайские коммунисты, я попросил, одну книжку перевели, подарили — «Дао любви» — ну, слушай, по учебнику все делаю — и все равно ей не угодишь. И еще, слушай, что плохо, — Налбандян не выдерживал, — армяне, они что, все что ли такие слабонервные, как ты думаешь? — ему рисовать надо, а он возьмет да свалится на пол. Я ему говорю: ты, может, питаешься плохо? — он отвечает, — нет, товарищ нарком, это я от избытка чувств.

Ну вот, а потом, Меркулов, — и чего это на меня нашло? — ошибку я сделал. Думаю: как же так, у меня ведь жена, надо ей объяснить, совестно, слушай, — получается, изменяю, да? Вот как-то собрался с духом и говорю: слушай, жена, серьезный разговор к тебе. Я тут теперь езжу к товарищу академику Лепешинской, клитор ей разрабатываю, но ты не думай, я тебе не изменяю, мы с ней Налбандяну позируем для картины, это у нас партийное поручение такое. Ну, знаешь ведь — женщина, она как понесла на меня, ай, Меркулов, — никогда такого не было. Я говорю: позвони Кобе, если не веришь. Она звонит: так и так, товарищ Сталин, мой... ну, она меня нехорошо назвала, — говорит, что у Лепешинской клитор сосет, что ему это

партия поручила. А товарищ Сталин ей: а зачем же товарищ Берия раскрывает своей жене важную партийно-государственную тайну? Короче, Меркулов, поняла она все, но ты понимаешь? — потребовала, чтобы мы с Лепешинской позировали Налбандяну при ней. А то, говорит, я тебя знаю — ты на куннилинге не остановишься, а про другое в сюжете нет, так что я за тобой сама пригляжу, чтобы разврата не было.

И стала она на этюды со мной ездить — понимаешь, Меркулов, ну, не в кайф, совсем не то стало, а? Лепешинская свои указки дает, жена тут же над душой стоит, Налбандян сопит, как чайник, проверяющие из ЦКК заходят — ну, интимное же дело, а? Я уж говорю Налбандяну — ты закружись со своими зарисовками, — ну, он через пару раз сказал, что ему эскизов хватит.

Лаврентий Павлович сделал паузу, лукаво блеснул пенсне и спросил:

— Как по-твоему, Меркулов, что из всего этого получилось? Из нашего, знаешь, дао любви с Лепешинской?

— Картина, наверное, — осторожно отвечал Меркулов.

— Слушай, ясно, что картина... Я про другое — ни за что не догадаешься, Меркулов... Знаешь, что у Лепешинской выросло? А знаешь, на сколько? На десять сантиметров, во как, понял? А у меня, ты посмотри...

И товарищ Берия широко открыл рот. Не веря своим глазам Меркулов увидел, как оттуда высовывается — нет, не язык, а... самый настоящий фаллос! Вот это да!

А Л. П. Берия горделиво пошевелил туда и сюда тем, что раньше у него было языком, и доверительно сообщил Меркулову:

— Я теперь сам себя балую, понял? Никаких девочек не надо, да? Это еще что, Меркулов! Я тебе сейчас такое покажу... Слушай, закрой глаза на минуту.

Закрывший глаза Меркулов услышал, как звенит пряжка ремня, а затем что-то горячее мокро облизало ему ухо. Непроизвольно отодвинувшись, Меркулов открыл глаза — и обомлел. У его стула со спущенными штанами стоял, торжествующе ухмыляясь, Лаврентий Берия, и меж ног его, перед самым лицом Меркулова, свешивался широкий, красный и слюнявый... язык!!! И Меркулов, подобно слабонервному Налбандяну, икнул и мешком повалился на пол.

P. S. На секретном заседании Политбюро наркому Л. П. Берия за разработку клитора товарища Лепешинской была присуждена закрытая государственная премия.